

УДК 314:330.59-057.75(470-17)

Регион: экономика и социология, 2016, № 1 (89), с. 135–158

Л.А. Попова, Е.Н. Зорина

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕНСИОНЕРОВ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье оцениваются уровни жизни и занятости людей пенсионного возраста в северных регионах России, их отношение к труду и образованию. Показаны основные тенденции в пенсионном обеспечении в России, приведены соотношения средней пенсии с заработной платой работающих и прожиточным минимумом пенсионера. Установлено, что в большинстве северных регионов, особенно в богатых сырьевых, материальное положение пенсионеров следует оценивать как более трудное с учетом общей дороговизны жизни. На материалах социологического обследования раскрыты социальное самочувствие и особенности занятости населения третьего возраста, оценены когнитивные возможности пожилых людей, выявлены основные детерминанты трудовой активности в старших возрастах. Исследование показало, что две трети опрошенных лиц пенсионного возраста оценивают уровень своих доходов как достаточный и приемлемый. До 65 лет у людей преобладает стремление работать. К содержанию и условиям труда у работающих пенсионеров не менее требовательное отношение, чем у людей трудоспособного возраста, примерно треть из них хотели бы поменять рабочее место. Почти пятая часть незанятых пенсионеров желают устроиться на работу. Наиболее сильными детерминантами трудовой активности пожилых людей являются возраст, уровень образования и отношение к образованию. Тридцать процентов опрошенных не только признают способность людей старшего возраста учиться, но и лично хотели бы приобрести новые знания и навыки. Сделан вывод, что необходимо исключить из практики любые формы возрастной дискриминации в сфере заня-

тости и образования и обеспечить условия для более полного использования ресурсного потенциала пожилых людей.

Ключевые слова: постарение, северные регионы, пенсия, уровень жизни пенсионеров, трудовая активность людей пожилого возраста, отношение к образованию

Демографическое старение – один из глобальных вызовов современности. В России доля населения старше трудоспособного возраста составляет почти 25%, увеличившись за последние полвека в два с лишним раза.

Северные регионы, в качестве которых традиционно рассматриваются субъекты Российской Федерации, чьи территории полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, к концу 1980-х годов отличались очень молодой возрастной структурой населения. Процент жителей пенсионных возрастов в большинстве из них был в разы меньше, чем в среднем по России. Однако масштабный миграционный отток населения в последние два-три десятилетия обуславливает крайне высокие темпы постарения на Севере. В результате в Карелии и Архангельской области удельный вес лиц пенсионных возрастов уже выше общероссийского. В Сахалинской и Мурманской областях он превышает 20%. В Республике Коми, Магаданской и Камчатской областях он находится на уровне 19–20%, а в сельской местности этих регионов 20%-й порог старости уже превышен. В остальных северных регионах доля лиц пенсионных возрастов варьирует от 8,7% в Ямало-Ненецком автономном округе до 15,8% в Ненецком. В то же время льготный пенсионный возраст в этих регионах и для них актуализирует исследования уровня жизни и социального самочувствия пенсионеров, ресурсного потенциала населения третьего возраста и эффективности его использования.

Прежде всего следует отметить, что к настоящему времени катастрофа, случившаяся в России в сфере пенсионного обеспечения в 1990-х годах, в целом преодолена. В 2000-х годах пенсии растут в 2 раза быстрее средней инфляции потребительских цен. До 2010 г. их увеличение шло опережающими темпами, в последние годы несколько замедлилось. Разрыв между размером российских

пенсий и размером пенсий в развитых странах сократился с 50 до 2–4 раз, относительно приемлемых даже без учета разного уровня цен. На постсоветском пространстве по размеру пенсий Россия является лидером.

В северных регионах, за исключением Республики Тывы, размер трудовой пенсии по возрасту (в официальных документах ее называют трудовой пенсией по старости) закономерно выше общероссийского: от почти двукратного превышения в Чукотском автономном округе (на конец 2013 г. 20,1 тыс. руб. против 10,7 тыс. руб. в целом по стране) до незначительного в Ханты-Мансийском (11,6 тыс. руб.). В 2000-х годах это превышение нарастает. Так, в Республике Коми с начала 2000 г. по конец 2013 г. средняя пенсия по возрасту увеличилась в 21,2 раза, тогда как по России в целом – в 19,5 раза. Если на 1 января 2000 г. средний размер пенсии в Коми был больше общероссийского уровня на 17%, то на конец 2013 г. – на 26,8%.

В то же время северные пенсии, как правило, сильнее отстают от средней зарплаты по региону. В последние годы средняя пенсия по возрасту составляет в России 36–39% от средней заработной платы работников организаций, а в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Ненецком и Чукотском автономных округах и Сахалинской области не достигает 30%. В Магаданской области, Республике Саха (Якутия) и Камчатском крае средняя пенсия составляет 30–36% от средней заработной платы, в Республике Коми и Мурманской области – находится примерно на общероссийском уровне. Лишь в Республике Тыве, Архангельской области и Республике Карелии соотношение пенсии и зарплаты опережает пропорции в целом по стране. Во многом это связано с невысоким уровнем заработной платы: в Тыве и Карелии она стабильно ниже средней по стране, в Архангельской области превышает среднероссийский уровень только за счет Ненецкого АО. То есть хорошее соотношение размера пенсии со средней заработной платой не является неоспоримым доказательством высокого уровня жизни пенсионеров в этих регионах. Но с другой стороны, средняя зарплата достаточно сильно определяет региональный уровень цен на основные товары. На наш взгляд, благополучие материального положения пенсионеров наиболее верно отражает соотношение размера

пенсии с уровнем прожиточного минимума пенсионера. До конца 2012 г. в стране наблюдался рост превышения средней пенсией прожиточного минимума – до 85%. В течение 2013 г. соотношение средней пенсии и прожиточного минимума заметно ухудшилось. Но в целом за последние годы трудовая пенсия по возрасту на 75–85% превышала прожиточный минимум российского пенсионера, в то время как еще в 2000 г. их соотношение было обратным. В Республике Карелии эта цифра стабильно выше. В Республике Коми, Архангельской области, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах соотношение близко к общероссийскому. В остальных северных субъектах Федерации превышение средней пенсией уровня прожиточного минимума пенсионера составляет от 30 до 70%. Таким образом, на большинстве северных территорий, и особенно в богатых сырьевых регионах, материальное положение пенсионеров следует оценивать как более трудное с учетом общей дороговизны жизни.

С целью изучения уровня и характера доходов, социального самочувствия и ресурсного потенциала пенсионеров, проживающих в северных регионах, в 2013 г. в Республике Коми нами было проведено социологическое обследование «Проблемы третьего возраста». Всего было опрошено 932 человека в возрасте 55 лет и старше. В целом выборка оказалась достаточно представительной, сильного рассогласования массива опрошенных с генеральной совокупностью населения республики старше 55 лет нет. Поэтому результаты обследования с учетом при их интерпретации особенностей выборки (несколько повышенный процент лиц с начальным профессиональным образованием, сельского населения и женщин, а также меньший по сравнению с генеральной совокупностью процент работающих пенсионеров) являются вполне репрезентативными. При этом согласно приведенным выше данным Республика Коми представляет собой некий средний по уровню жизни пенсионеров северный регион, поэтому выводы можно считать достаточно представительными для всей зоны Севера.

Прежде всего отметим, что обследование продемонстрировало в целом весьма оптимистичный настрой у населения старшего возраста. Практически по всем группам вопросов преобладают нейтральные или позитивные ответы. Даже в субъективной оценке уровня своих

доходов, вопреки сложившемуся представлению, что пенсионеры живут в крайней нищете и все время жалуются на нехватку средств к существованию, преобладает ответ: «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды», – так считают 54,4% респондентов. Более четверти опрошенных (26,3%) ответили, что денег хватает только на покупку продуктов питания, и лишь 4,7% – что их не хватает даже на продукты питания. В то же время 11,3% респондентов отметили, что доходы позволяют им ни в чем себе не отказывать. В варианте «Другое», который отметили 30 человек (3,2%), преобладают ответы ближе к вариантам «Денег хватает только на покупку продуктов питания» (с примечанием, что их хватает еще и на коммунальные расходы или на лекарства) и «Денег не хватает даже на продукты питания». Но шесть ответов респондентов из городской местности можно отнести к варианту «Денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать».

Таким образом, почти 12% опрошенных лиц пожилого возраста оценивают уровень доходов как достаточный, чтобы ни в чем себе не отказывать, около 55% – как приемлемый («Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды»). Но практически третья часть пенсионеров оценивают свои доходы на уровне физиологического существования: хватает только на продукты питания, и то с трудом.

Хуже всего субъективные оценки уровня своих доходов у людей в возрасте от 65 до 80 лет, и особенно в возрасте 70–74 лет. На том, что у респондентов в более молодых возрастах эти оценки лучше, очевидно, сказывается наличие работы и доходов от нее, в старших – снижение потребностей, а после 80 лет – также и увеличение размера пенсии (при достижении этого возраста автоматически производится перерасчет пенсии и его фиксированный базовый размер увеличивается в 2 раза*).

Удовлетворенность пенсионеров своими доходами тесно связана с уровнем их образования. Как достаточные и приемлемые оценивают

---

* См.: *Федеральный закон от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 4920.*

свои доходы 75% опрошенных с высшим профессиональным образованием и 68% – со средним специальным, что, безусловно, связано с их высокой востребованностью в экономике. У лиц с начальным профессиональным образованием и без профессионального образования удовлетворенность доходами на уровне ниже среднего по массе (59 и 56% соответственно). Несколько более высокий процент довольных своими доходами в городах: 67% против 63% в сельской местности. Примерно такая же разница между мужчинами (69%) и женщинами (65%). Но эти различия находятся практически в пределах статистической погрешности социологических измерений.

Почти пятая часть респондентов (19,5%) на вопрос о дополнительных доходах ответили: «Ничего, кроме пенсии» – хотя всем пенсионерам положено по меньшей мере полное освобождение от налогов с пенсии. Указание на государственные льготы является самым распространенным вариантом ответа на этот вопрос, однако его отметили только 38,1% опрошенных. Совершенно очевидно, что некоторые из льгот, например налоговые, не расцениваются пенсионерами в качестве дохода. Скорее всего при ответе на этот вопрос респонденты учитывали только социальные доплаты к пенсии, субсидии на оплату жилищно-коммунальных услуг и льготы ветеранам труда, которые ежемесячно поступают непосредственно на личный счет пенсионера.

Зарплату в ответе на вопрос о дополнительных доходах указали около трети респондентов (33,9%). Еще 6,4% отметили подработку время от времени. То есть более 40% опрошенных нами людей пенсионного возраста имеют доходы от трудовой деятельности. Безусловно, эти ответы очень сильно коррелируют с возрастом респондентов. В группе 55–59 лет работают почти 70% опрошенных: более 60% отметили зарплату, около 9% – подработки. В группе 60–64 года эти виды дополнительных доходов имеют примерно 45% респондентов (35 и 10% соответственно), в группе 65–69 лет – около 35% (28 и 7%). И даже в группе 70–74 года продолжают работать почти 15% участников опроса: 12% получают стабильную зарплату, а 3% периодически подрабатывают.

Такая же четкая связь наличия трудовых дополнительных доходов прослеживается с уровнем образования опрошенных людей пенсионного возраста. Работают две трети (66,5%) пенсионеров с высшим профессиональным образованием (55% отметили, что получают зарплату, а 11,5% – что работают время от времени) и 44% – со средним профессиональным (соответственно 38 и 6%). Среди опрошенных пожилых людей с начальным профессиональным образованием работающих оказалось не более 27% (20 и 7% соответственно), а среди пенсионеров без профессионального образования – всего 14% (11 и 3%).

В два раза чаще стабильную работу имеют городские пенсионеры (40% против 20% в сельской местности), что также весьма закономерно, как и тесная связь занятости с возрастом и образованием. Но временные подработки в городе и селе распространены практически одинаково (по 6,5% опрошенных). Мужчины чаще женщин отмечают трудовые виды дополнительных доходов. Но разница не очень существенная, причем по стабильной работе ее практически нет: зарплату отметили 33,8% женщин и 34,2% мужчин. А вот подработки у мужчин распространены в 2 раза чаще: у 10% против 5% у женщин.

Помощь детей в качестве дохода оценили 14,8% опрошенных пожилых людей. Очевидно, в этом случае речь идет о достаточно систематической материальной поддержке со стороны младших родственников. Заметно более распространенной она становится у людей после 70 лет: этот вид дополнительных доходов отметили от 20 до 27% респондентов старших возрастов. Сбережения, проценты от банковских вкладов, акций, ценных бумаг, а также доходы от аренды недвижимости в совокупности указали только 5,5% опрошенных (сбережения и проценты от вкладов – 4%, проценты от акций и ценных бумаг – 1%, доходы от аренды – 0,5%). Реально эта цифра может быть еще меньше (около 4%), поскольку вопрос о дополнительных доходах предполагает совместимость альтернативных вариантов ответов и один и тот же респондент мог отметить все три варианта, связанных с наличием у него к старости некоего материального запаса в виде денежных накоплений или недвижимости. Помощь от благотворительных организаций получают 0,6% опрошенных. В варианте «Другое» 2,7%

участников опроса указали доходы от личного подсобного хозяйства (и в сельской, и в городской местности), донорство, помощь родственников, доход от продажи вязаных изделий, доход от своего бизнеса, дотации с последнего места работы, а также отраслевые надбавки к пенсии и участие в негосударственном пенсионном фонде.

Как уже отмечалось, примерно у третьей части пенсионеров доходов хватает только на продукты питания, и то с трудом. Недостаточный в целом уровень материального обеспечения пенсионеров выявил и заданный в анкете в открытой форме вопрос: «Напишите, пожалуйста, какие проблемы больше всего волнуют лично вас». Конечно, открытая формулировка вопроса, с одной стороны, обуславливает значительный процент не ответивших на него. Так, в нашем обследовании на этот вопрос ответили менее половины респондентов (454 чел. из 932, т.е. 48,7%). Но с другой стороны, ответы, полученные на вопросы, свободные от подсказок интервьюера, требующие от опрашиваемого не просто выбрать готовый вариант, а подумать и самому сформулировать свое мнение, позволяют более четко очертить круг проблем, которые действительно волнуют участников обследования.

Самыми распространенными, самыми волнующими людей старшего возраста наряду с проблемами, касающимися здоровья, оказались трудности, связанные с недостаточным уровнем доходов. Среди ответивших на этот вопрос 35% (это составляет 17% всего массива) в той или иной форме отметили материальные трудности и еще 14% (7% массива) – дороговизну жизни (высокие цены на продукты, на услуги ЖКХ, на лекарства). Эти два варианта при кодировке учитывались как несовместимые альтернативы, соответственно, почти четверть всех опрошенных пенсионеров (24%) материальные трудности и дороговизна жизни беспокоят настолько сильно, что они отмечают это в ответе на открытый вопрос о главной личной проблеме. В целом на этот вопрос наиболее активно отвечали пенсионеры от 70 до 80 лет, но больше всего материальные проблемы и дороговизна жизни беспокоят молодых пенсионеров. Между мужчинами и женщинами, между городом и селом разница несущественная. Менее других эти пробле-

мы волнуют пенсионеров с высшим профессиональным образованием и без профессионального образования.

Учитывая особенности нашего выборочного массива, можно предположить, что в целом оценка пенсионерами Республики Коми своих доходов является еще более позитивной, чем показали результаты обследования, в котором около двух третей респондентов оценили свои доходы как достаточные и приемлемые. А материальные трудности и дороговизну жизни в качестве главной личной проблемы, наоборот, расценивает меньший по сравнению с выявленным уровнем процент людей пенсионного возраста. Таким образом, несмотря на не очень значительный размер пенсии, не достигающий пока уровня, рекомендованного в экономически развитых странах, люди пожилого возраста в среднем чувствуют себя далеко не такими бедными, как это зачастую принято считать.

Безусловно, высокий процент позитивных оценок размера доходов связан с тем, что уровень потребностей у людей старшего возраста, как правило, ниже, чем у молодежи. А у современных российских пенсионеров, прошедших через «лихие девяностые», сформировались вообще очень скромные запросы. Но во многом позитивные оценки обусловлены и тем, что достаточно значительная часть пенсионеров продолжают свою трудовую деятельность. Отчасти мы уже коснулись этого при анализе вопроса о наличии у опрашиваемых дополнительных доходов. Как уже упоминалось, на трудовые дополнительные доходы указали 40,3% участников опроса: 33,9% отметили зарплату и 6,4% – подработки время от времени. На прямой вопрос: «Работаете ли вы в настоящее время?» – положительно ответили 35,5% респондентов. На вопрос, сформулированный более детально, с конкретизацией характера занятости, ответили чуть больше участников опроса – 36,4%. Очевидно, в ответах на прямой вопрос не были указаны случаи работы на дому и в приусадебном товарном хозяйстве, которые без подсказки люди зачастую не склонны оценивать в качестве работы. Соответственно, последняя цифра вернее отражает уровень занятости людей, принявших участие в опросе.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если вы работаете, то как вы можете охарактеризовать свою трудовую деятельность?», %

Вариант ответа	Валидный	Общий
Работаю полную трудовую неделю по прежнему месту работы	63,1	23,0
Работаю на часть ставки по прежнему месту работы	7,4	2,6
Работаю полную трудовую неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и др.)	15,9	5,8
Работаю на часть ставки на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и др.)	5,3	2,0
Работаю на себя (у меня свой бизнес)	2,7	1,0
Работаю на дому	0,9	0,3
Занимаюсь сетевым маркетингом	0,3	0,1
Другое	4,4	1,6

Большинство работающих респондентов в пенсионном возрасте заняты полную трудовую неделю на прежнем месте работы: 63,1%, что составляет 23% от всех опрошенных (табл. 1). Еще 7,4% трудятся на старом рабочем месте в рамках частичной занятости. То есть около 70% работающих участников опроса (более четверти всех респондентов) работают на своих прежних рабочих местах. Почти 16% работающих респондентов заняты полную трудовую неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтером, сторожем, уборщицей, гардеробщицей и др.), еще 5,3% трудятся на такой работе на часть ставки. Владельцами собственного бизнеса являются 2,7% опрошенных. В общей сложности 5,6% работают на дому, занимаются сетевым маркетингом, время от времени подрабатывают, работают вахтовым способом, но некоторые из них трудятся и по своей специальности в другой организации на полную ставку или на ее часть.

С увеличением возраста процент работающих пенсионеров, безусловно, убывает. Среди участников опроса моложе 60 лет работают

более 63%, причем почти три четверти из них (73%) заняты полную рабочую неделю на прежнем месте. В возрастной группе 60–64 года трудятся 37% респондентов, из которых в рамках полной занятости на старом месте работают немногим более половины (56%). В группе 65–69 лет трудятся 30% опрошенных, из них на прежнем рабочем месте на полную ставку заняты уже меньше половины (42%). В возрасте 70–74 лет работают 14% респондентов, причем менее трети из них (31%) заняты на привычном рабочем месте полный день.

Как видим, по мере увеличения возраста не только снижается процент работающих пенсионеров, что закономерно, но также сокращается в их составе доля занятых на прежнем месте работы, т.е. пожилые люди постепенно вытесняются со своих рабочих мест. Это безусловное свидетельство существования дискриминации лиц старшего возраста со стороны работодателей. Еще в большей степени необоснованная дискриминация по возрасту в нарушение правовых норм проявляется при приеме граждан на работу [1–3; 6]. Например, опрос руководителей организаций и предприятий разных форм собственности, проведенный в 2013 г. в ходе комплексного социологического обследования в Республике Башкортостан, показал, что только половина работодателей при заполнении вакантных рабочих мест не выставляют возрастных ограничений по отношению к кандидатам [1]. А для приема на хорошую работу нынешними российскими работодателями, по утверждению А.Г. Левинсона, введен ценз в 35–40 лет, который отражает факт изменения у человека в силу возраста неких психофизиологических качеств: снижение подвижности психики, гибкости мышления, физической силы, работоспособности, повышение утомляемости и т.д. [4]. Из-за этого в старших возрастных группах преобладают более простые формы занятости, как правило, сопровождаемые частичным наймом.

Прослеживается такая же четкая зависимость занятости пенсионеров от уровня их образования. Тот или иной вид занятости отметили 59% опрошенных пожилых людей с высшим образованием, причем подавляющее большинство из них (84%) трудятся на старом рабочем месте: 75% на полную ставку, 9% – на ее часть. Среди пенсионеров со средним специальным образованием работают 41%, из которых 68%

заняты на прежней работе (соответственно 61 и 7% на полную ставку и на часть). Среди пожилых людей с начальным профессиональным образованием работают 23%, без профессионального образования – только 11%. Доли занятых на прежних рабочих местах у этих категорий работающих пенсионеров также заметно ниже. Отчасти, конечно, это связано с тем, что более высоким уровнем образования характеризуются молодые возрастные группы массива опрошенных.

Сильно различается уровень занятости у людей третьего возраста в разных типах населенных пунктов. В городской местности работают 42% пенсионеров, в сельской – лишь 25%. Эта разница во многом обусловлена также большими возможностями у городских жителей трудиться на прежнем месте работы. Среди работающих горожан старшего возраста 65% заняты на старой работе на полную ставку и 7% – на часть. В сельской местности соответствующие цифры составляют 55 и 9,5%. В условиях нехватки рабочих мест на селе пожилые активнее «выпродаживаются» на пенсию, в лучшем случае переводятся на неполную занятость. Меньше здесь и возможность найти работу, на которую в городе обычно устраиваются пенсионеры: в сельской местности такие рабочие места заполняются в основном населением трудоспособного возраста.

У опрошенных нами мужчин и женщин старшего возраста уровень занятости практически одинаковый. Но женщины гораздо чаще продолжают трудиться на прежнем месте работы: среди работающих пожилых женщин их 75% против 55% среди мужчин. Особенно значительна разница среди работающих на часть ставки: 8,5% женщин и 3,5% мужчин. Очевидно, что женщины старшего возраста в большей степени стараются держаться привычного рабочего места, пусть даже с потерей в оплате, в то время как мужчины активнее ведут себя в поисках новой работы на текущем рынке труда.

На прямой вопрос о наличии работы 64,5% участников нашего социологического обследования ответили, что не работают. С учетом ответивших на вопрос о характере занятости эта цифра несколько снижается – до 63,6%. На вопрос же о причинах незанятости ответили чуть больше 90% из числа неработающих респондентов. Очевидно, для остальных 10% вопрос о причинах незанятости (он был задан в от-

крытой форме с предложением самим сформулировать ответы) не представляется актуальным: например, из-за возраста. Среди ответивших на этот вопрос подавляющее большинство (почти 65%) также сослались на возраст, при этом только треть из них написали, что возраст не позволяет им работать, а две трети отметили свое право на пенсионное обеспечение.

Среди неработающих участников опроса, ответивших на вопрос о причинах незанятости, 30% сослались на здоровье. На все остальные варианты ответов приходится не более 19% (общая сумма превышает 100%, поскольку многие ответившие сформулировали по две-три причины своей незанятости). Почти в 8% ответов в той или иной форме указано на нехватку рабочих мест. Такие ответы чаще встречаются у респондентов из сельской местности. Они же чаще упоминают очень низкую оплату труда, при которой пенсия вполне является альтернативой зарплате, и большое количество работы по хозяйству. Кроме того, в ответах опрошенных сельских жителей есть такие формулировки, которые можно трактовать как указание на случаи дискриминации по возрасту: «культурно попросили уйти с работы», «в сельской местности нет вакансий для лиц после 60 лет», «не берут из-за возраста», «для стариков нет работы на селе», «нет работы на селе для пенсионера», «до города ездить далеко, а на селе не берут на работу из-за возраста», «ушла на пенсию по собственному желанию в 51 год, уступив место молодому специалисту» и т.п. Очевидно, что дискриминация по возрасту в трудовой сфере связана прежде всего с недостатком рабочих мест. Около 3,5% неработающих пенсионеров, ответивших на вопрос о причинах незанятости, отметили уход за детьми и больными родственниками, около 2,5% – работу по дому, огороде, в подсобном хозяйстве. И наконец, более 5% указали на отсутствие желания работать.

Более детально распределение ответов на вопрос: «Если вы уже не работаете, напишите, почему» – приведено ниже:

<i>Вариант ответа</i>	<i>Валидный %</i>
На пенсии по возрасту	42,8
Возраст не позволяет работать	22,1
Не могу работать по состоянию здоровья	30,1

Нет мест или работы для трудоустройства	6,3
Сокращение или ликвидация предприятия	1,5
Помогаю детям в воспитании внуков	2,6
Ухаживаю за больными, престарелыми родственниками	0,7
Работаю по дому, на огороде	2,0
Занимаюсь подсобным хозяйством	0,4
Нет желания	5,2

Информацию о занятости в пенсионном возрасте и об отношении пожилых людей к работе дают ответы на еще один вопрос, задававшийся в ходе обследования: «А хотели бы вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?». Он был адресован всем участникам опроса, соответственно, был предусмотрен вариант ответа: «И так работаю». Этот вариант выбрали только 23,3% респондентов. Напомним, что на прямой вопрос: «Работаете ли вы в настоящее время?» – утвердительно ответили 35,7% опрошенных, на вопрос о характере своей занятости ответы дали 36,4% респондентов, а на наличие дополнительного трудового дохода указали 40,3% участников обследования.

Подавляющее большинство ответивших «и так работаю» (72%) заняты на прежнем рабочем месте, еще 18% трудятся полную трудовую неделю на работе, куда может устроиться пенсионер. Иными словами, полноценной занятостью люди пенсионного возраста склонны считать главным образом работу на прежнем месте трудовой деятельности и работу в другом месте, но на полную ставку, т.е. стабильную занятость. А всякую другую работу, даже несмотря на то, что она приносит доход, они расценивают не только как временную и ситуативную, которую они готовы поменять на другую, но и как вынужденную – только ради приработка.

На вопрос: «А хотели бы вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» – ответили утвердительно 24,3% респондентов. Больше половины из них, заметим, в момент опроса имели работу, но они были не прочь ее поменять, найти лучшее рабочее место. Остальная часть (11,2%) – это неработающие, которые хотели бы устроиться на работу. Иными словами, трудовой потенциал людей пенсионного возраста используется далеко не полностью, резерв составляет не менее 10%.

Однако большинство опрошенных (52,4%) на вопрос: «А хотели бы вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» – ответили отрицательно. То есть более половины людей старше 55 лет считают, что уже заслужили право на отдых. Безусловно, распространенность этого варианта ответа очень тесно связана с возрастом. Если до 60 лет лишь чуть больше четверти опрошенных не имеют желания продолжать работать, то в возрастной группе 60–64 года таких уже почти половина (45%). В группе 65–69 лет предпочитают уже не работать больше половины (55%) опрошенных, в группе 70–74 года – свыше 80%, в группах старше 75 лет – более 90–95%. Таким образом, стремление продолжать работу преобладает примерно до 65 лет. В старших возрастах большинство опрошенных уже предпочитают заслуженный отдых.

Существует такая же тесная связь нежелания продолжать работу в пенсионном возрасте с уровнем образования респондентов, который определяет характер занятости человека. Чем ниже уровень образования, тем чаще опрашиваемые отмечают, что больше не хотят работать: такие ответы дают от 35% респондентов с высшим образованием до 77% респондентов без профессионального образования. Более распространено стремление наконец отдохнуть в пенсионном возрасте от работы у женщин (54% против 49% у мужчин) и в сельской местности (63% против 47% в городе). Все это вполне закономерно с учетом следующих обстоятельств: худших условий труда на рабочих местах, не требующих высокой образовательной подготовки; двойной занятости женщин на работе и дома на протяжении всей трудовой биографии и продолжения ими в пенсионном возрасте выполнения широкого круга домашних работ, а также семейных обязанностей по уходу за внуками и правнуками; высокой занятости сельских жителей в домашнем хозяйстве и нетоварном сельхозпроизводстве при в среднем более тяжелых по сравнению с городской местностью условиях труда на селе. Иными словами, стремление у людей пожилого возраста продолжать работу связано не только с хорошим состоянием их собственного физического здоровья, но и с благоприятными условиями труда на рабочих местах, на которые они могут претендовать, а также с на-

личием у них достаточного «свободного времени», чтобы работать без двойной нагрузки.

Итак, исследование разных аспектов занятости показало, что наиболее сильными детерминантами в сфере трудовой и общественной активности пожилых людей являются возраст и уровень образования. Важное значение для характеристики общего настроения пожилого человека либо на доживание своего века, либо на формирование интереса не только к окружению, но и к себе как активному участнику событий, способному изменяться и понимать изменения других, имеет, как отмечает Д.М. Рогозин, не только уровень уже имеющегося образования, но также отношение к получению новых знаний [5]. Поэтому в ходе обследования мы попытались оценить когнитивные возможности пожилых людей, воспользовавшись методикой, описанной Д.М. Рогозиным. Участникам обследования было предложено два вопроса, затрагивающих тему образования пожилых людей: вопрос общего типа – «По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?» и частный вопрос – «А вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?», имеющий отношение к личным представлениям респондента.

На вопрос о способности людей старшего возраста к обучению свыше половины опрошенных (54,9%) ответили утвердительно, почти треть (32,3%) затруднились дать ответ и лишь 12,8% отметили, что пожилые люди не способны учиться и получать новые знания (табл. 2). Безусловно, ответы на этот вопрос значительно коррелируют с возрастом. Большая часть респондентов, дающих утвердительные ответы, моложе 70 лет. Такая же сильная взаимосвязь прослеживается с образованием респондентов. Доля положительных ответов при снижении его уровня сокращается почти в 2,5 раза: с 75% у опрошенных с высшим образованием до 31% у респондентов без профессионального образования. Заметно выше оценивают способность пожилых людей к получению новых знаний городские пенсионеры: 58% положительных ответов против 49% у респондентов из сельской местности. Между женщинами и мужчинами разница незначитель-

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы об отношении к образованию в пожилом возрасте, %

Вопрос	Варианты ответов			Всего
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	
По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?	54,9	12,8	32,3	100,0
А вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?	35,3	41,5	23,2	100,0

ная, в пределах статистической погрешности: 56% положительных ответов у женщин и 52% – у мужчин.

Если на вопрос о способности людей старшего возраста к обучению больше половины респондентов ответили утвердительно, то на вопрос о желании самих опрашиваемых пройти обучение, получить новые знания, навыки наиболее распространенным ответом оказался отрицательный (41,5%). О своей готовности к обучению и получению новых знаний и навыков заявили только 35,3% участников опроса. В ответах на этот вопрос также отмечается связь с возрастом, но она не такая однозначная, как в случае вопроса о способности пожилых людей к обучению, где процент утвердительных ответов с увеличением возраста респондентов неуклонно убывает. Здесь убывающий с возрастом тренд также прослеживается (с 54 до 15%). Однако минимальная доля положительных ответов характерна для группы 75–79 лет (10%), а в следующих двух группах эта доля возрастает до 15%. Возможно, это объясняется тем, что у людей, доживших до столь солидных возрастов, уровень личного физического и интеллектуального самочувствия выше, чем сложившееся в обществе стереотипное представление о нем: по исследованиям геронтологов, биологический возраст долгожителей ниже их календарного возраста.

Совершенно однозначна связь ответов на вопрос о желании лично получить новые знания и навыки с уровнем образования. Это желание уменьшается с 53% у пожилых людей с высшим образованием до 18% у не имеющих профессионального образования. А количество отрицательных ответов со снижением уровня образования респондентов возрастает с 29 до 59%. То есть среди наиболее образованных также и минимальный процент не определившихся с тем, нужны ли лично им новые знания. Намного больше положительных ответов у участников опроса из городской местности: 39% против 27% у сельских жителей. Почти так же велика разница в желании пройти обучение и получить новые знания у женщин и мужчин: 38 и 29% соответственно.

Столь значительные различия в количестве положительных ответов на вопрос о способности населения старшего возраста получать новые знания (54,9%) и на вопрос о желании лично пройти обучение (35,3%) указывают на существенный разрыв между устоявшимися социально одобряемыми представлениями о возможностях пожилых людей и их личными ожиданиями и текущими обыденными практиками. Поэтому интересна также и взаимосвязь этих вопросов между собой. Д.М. Рогозин предлагает рассмотреть несколько вариантов ответов [5], позволяющих построить типологию отношения пожилых людей к обучению (см. рисунок).

Положительные ответы на вопросы о способностях пожилых людей к обучению и о собственной готовности учиться дают группу гибких, восприимчивых к новому людей, не только позитивно смотрящих на мир, но и заявляющих о своем намерении поучаствовать в его обновлении. Д.М. Рогозин назвал эту группу *глиной* – эластичным материалом, способным принимать любые формы, впитывать в себя все новое и прогрессивное. В нашем массиве обследованных таких восприимчивых ко всему новому личностей оказалось 30%. Чаще всего это женщины в возрасте до 70 лет с высшим или средним специальным образованием, живущие в городе.

Верящие в способности людей старшего возраста к обучению, но самим себе отказывающие в таких способностях определены как *керамика*. Это устойчивые, полностью сформировавшиеся личности,

А вы лично хотели бы пройти обучение,
получить новые знания, навыки?

		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
По вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?	Да	Глина 30%	Керамика 13%	11%
	Нет	Вода 1%	Песок 11%	1%
	Затрудняюсь ответить	4%	17%	12%

Отношение к обучению среди людей старшего возраста

понимающие окружающий мир и свое место в нем. Нежелание пройти обучение у них мотивировано скорее не апатией или невозможностью узнать что-то новое, а отсутствием необходимости в этом, востребованностью уже приобретенных навыков и умений. Таких людей в нашем массиве оказалось 13%. Как правило, это лица с начальным профессиональным образованием в возрасте 70–79 лет, проживающие в сельской местности. По сути, это квалифицированные рабочие, имеющие хорошую востребованную профессию.

Заявляющие о желании учиться, но не верящие в возможности таких же людей, как они, пройти обучение, по определению Д.М. Рогозина, подобны *воде*, которая заполняет новые места, но течет лишь в заданном направлении. У таких людей часто имеются нереализованные амбиции, задавшие дальнейшую жизненную траекторию. В обследованной совокупности их оказалось не больше 1%. Среди них совсем нет специалистов с высшим образованием.

И наконец, отказывающие пожилым людям в способности обучаться и приобретать новые знания и сами не имеющие желания пройти обучение похожи на *песок*, рассыпанный в пространстве, высохший

на солнце. Без надежд, без веры в себя, лишь обремененные заботами и бесконечными проблемами, они находятся в мире бесплодных ожиданий и безответных жалоб, которые и питают их волю к жизни [5]. Таких людей, потерявших интерес к жизни, среди участников нашего опроса оказалось 11%. В основном это лица без профессионального образования, старше 80 лет, проживающие в сельской местности.

* * *

Итак, исследование показало, что люди пожилого возраста в среднем чувствуют себя далеко не такими бедными, какими их зачастую принято считать. Хотя более половины опрошенных старше 55 лет считают, что они уже заслужили право на отдых, до 65 лет у людей присутствует стремление работать. К содержанию и условиям труда у работающих пенсионеров не менее требовательное отношение, чем у лиц трудоспособного возраста: примерно треть из них хотели бы поменять рабочее место, найти новое. Почти пятая часть незанятых пенсионеров желают устроиться на работу. При этом желание продолжать или возобновить работу у пожилых людей связано не только с хорошим состоянием их физического здоровья, но и с благоприятными условиями труда на рабочих местах, а также с наличием достаточного «свободного времени», чтобы работать без двойной нагрузки. Наиболее сильными детерминантами трудовой активности у людей старшего возраста являются возраст, уровень образования и отношение к образованию. Тридцать процентов опрошенных не только признают способность людей старшего возраста учиться и получать новые знания, но и лично хотели бы пройти переобучение, приобрести новые знания и навыки. С учетом того, что наш массив в целом характеризуется пониженным уровнем образования и занятости, ресурсный потенциал населения третьего возраста на самом деле еще выше выявленного в ходе обследования.

Однако хорошо известно, что в настоящее время не только пенсионеру, но и человеку предпенсионного возраста практически невозможно устроиться на новую работу. А для приема на хоро-

шую работу нынешними работодателями введен возрастной ценз в 35–40 лет. О случаях же получения пожилыми людьми образования мы узнаем, пожалуй, только из международных новостей. При этом, как показало наше исследование, люди старшего возраста не принимают участия в образовательных программах больше из-за существующих в обществе предубеждений, чем из-за собственной неспособности или нежелания обучаться. Работодатели довольно часто под тем или иным предлогом сокращают сотрудников старшего возраста, о чем убедительно свидетельствует снижение с увеличением возраста работников доли работающих на прежнем месте. В то же время большой профессиональный опыт и желание трудиться могут прекрасно компенсировать некоторое ухудшение физических данных этих работников.

Возраст не должен быть препятствием не только для продолжения работы на прежнем месте, но также для трудоустройства и даже для получения нового образования, если для этого нет других ограничений. По мнению Дж. Винсента, основоположника концепции либерализации старения, которая является ответом на складывающиеся в развитых странах демографические тенденции и подразумевает нахождение внутренних ресурсов в самом старении, отказ от стереотипов в отношении лиц пожилого возраста и активное включение пенсионеров в трудовые и социальные отношения, старший возраст, как и любой другой, это период неограниченных возможностей, реализации которых препятствуют прежде всего укорененные в обществе стереотипы, а не естественные и неизбежные физиологические особенности старшего возраста [7]. Имеющийся трудовой потенциал людей старшего возраста должен по достоинству оцениваться работодателями и государством. Необходимо исключить из практики любые формы возрастной дискриминации в сфере занятости. Трудовая деятельность пожилых людей является не только средством повышения уровня их доходов. Работа, возможность приносить пользу своим близким и всему обществу, увеличение продолжительности активной жизни в огромной степени содействуют возрастанию общей продолжительности жизни человека, а это одна из целей социального государства. И наконец, использование ресурсного потенциала населения

третьего возраста в немалой степени способствует экономическому процветанию страны, что приобретает особую актуальность в условиях ускорения демографического старения.

*Статья подготовлена в рамках Программы УрО РАН № 14
«Фундаментальные проблемы региональной экономики»
(проект 15-14-7-6)*

Список источников

1. Галин Р.А., Яппарова Р.Р. Использование трудового потенциала населения третьего возраста в Республике Башкортостан // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 3 (87). – С. 171–189.
2. Доброхлеб В.Г. Демографическое старение населения и становление новых социальных норм в стареющем обществе // Демографические перспективы России. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 181–205.
3. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России. – Ярославль: ЛАД, 2004. – 234 с.
4. Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. – 2011. – Т. 109, № 3. – С. 52–81.
5. Розозин Д.М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 62–93.
6. Смолькин А.А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 97–103.
7. Vincent J. Old Age. – London: Routledge, 2003. – P. 208.

Информация об авторах

Попова Лариса Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, заместитель директора. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: popova@iespn.komisc.ru).

Зорина Елена Николаевна (Россия, Сыктывкар) – научный сотрудник. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: zorina@iespn.komisc.ru).

DOI: 10.15372/REG20160106

Region: Economics & Sociology, 2016, No. 1 (89), p. 135–158

L.A. Popova, Ye.N. Zorina

LIVING STANDARD AND RESOURCE POTENTIAL OF PENSIONERS IN THE NORTHERN REGIONS OF RUSSIA

The article evaluates standards of living and employment, attitudes to work and education for senior citizens in the northern regions of Russia. We show Russian major pension coverage trends, the ratio of average pension to wage, and the ratio of average pension to the subsistence minimum for a pensioner. In the majority of northern territories, especially in regions rich in raw materials, the pensioners' financial standing should be considered more problematic against the background of the generally high cost of living. Based on a sociological survey, we have discovered social feeling and employment characteristics of the third age population, assessed elders' cognitive abilities, and identified basic determinants of labor activity in older age groups. The study shows that two-thirds of survey respondents of retirement age estimate their income as sufficient and acceptable. Until the age of 65, people have a strong desire to work. Pensioners have an attitude to work equally as exacting as working-age people do: about a third of them would like to change their place of employment. Almost one-fifth of unemployed senior citizens want to find a job. The strongest determinants of labor activity for the elderly are age, level of education and attitude to education. Thirty percent of respondents not only recognize the ability of older people to learn but also would personally like to acquire new knowledge and skills. We conclude that any form of age discrimination in employment and education should not be practiced; instead, it is necessary to create conditions for the better use of the resource potential of older people.

Keywords: aging, northern regions, pension, living standard of pensioners, labor activity of elderly people, attitude to education

*The publication is prepared within the Program of UrB RAS No. 14
«Basic problems of regional economics» (project No. 15-14-7-6)*

References

1. Galin, R.A. & R.R. Yapparova. (2015). Ispolzovanie trudovogo potentsiala naseleniya tretyego vozrasta v Respublike Bashkortostan [Using the labor potential of the third age population in the Republic of Bashkortostan]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (87), 171–189.
2. Dobrokhleb, V.G. (2008). Demograficheskoe starenie naseleniya i stanovlenie novykh sotsialnykh norm v stareyushchem obshchestve [Demographic ageing of population and formation of new social norms in «ageing» society]. Demograficheskie perspektivy Rossii [Demographic Perspectives of Russia]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 181–205.
3. Dobrokhleb, V.G. (2004). Resursnyy potentsial i zanyatost pozhilykh lyudey v sovremennoy Rossii [Resource Potential and Employment of Older People in Contemporary Russia]. Yaroslavl, LAD Publ., 234.
4. Levinson, A.G. (2011). Institucionalnye ramki starosti [The institutional framework of old age]. Vestnik obshchestvennogo mneniya: dannye, analiz, diskussii [Herald of Public Opinion: Data, Analysis, Discussion], Vol. 109, No. 3, 52–81.
5. Rogozin, D.M. (2012). Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorovye v starshem vozraste [Liberalization of ageing, or labor, knowledge and health in old age]. Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal], 4, 62–93.
6. Smolkin, A.A. (2014). Trudovoy potentsial pozhilykh lyudey [Labor potential of aged people]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies], 5, 97–103.
7. Vincent, J. (2003). Old Age. London, Routledge Publ., 208.

Information about the authors

Popova, Larisa Alekseyevna (Syktyvkar, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Deputy Director at the Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russia, e-mail: popova@iespn.komisc.ru).

Zorina, Yelena Nikolaevna (Syktyvkar, Russia) – Researcher at the Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russia, e-mail: zorina@iespn.komisc.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 16.11.2015 г.

© Попова Л.А., Зорина Е.Н., 2016